

дедушка Боголеп всё шил дак»; «Богдан дивну кучу денег Ие принёс, рассчитанось у него»; «Жена у Богдана две роботы нашла, а он не едет, при матери сено помогает доставать».

От таких имен закономерно образуются отчества: «Отець был Конев Иван Николаевич, простой такой деревенской мужичок, мама – Конева Алевтина *Боголеповна*».

Д. В. Спиридонов, Л. А. Феоктистова

Уральский федеральный университет, Екатеринбург
dmitri.v.spiridonov@gmail.com, lfeoktistova@mail.ru

Русский *Иван* и его «братья»: польск. *Jan* и фр. *Jean* (к вопросу об этнокультурных коннотациях личного имени)

Объект нашего анализа — семантико-мотивационная структура деривационно-фразеологических гнезд, вершинами которых являются личные имена, восходящие к др.-греч. Ἰωάννης; рус. *Иван*, польск. *Jan* и фр. *Jean*. Анализ имеет сравнительно-типологическую направленность и нацелен на выявление коннотативной семантики рассматриваемых имен и их этнокультурной специфики. Данный доклад является логическим продолжением совместного исследования авторов, предварительные итоги которого были представлены на предыдущей конференции «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология» в 2012 г. Определив диапазон семантического варьирования личных имен (начиная от различных апеллятивных обозначений человека и заканчивая предметной номинацией), мы сосредоточились на тематической группе «Человек» (как составляющей соответствующих семантико-деривационных комплексов) с целью реконструкции обобщенных языковых образов носителей изучаемых имен.

Ассоциативно-деривационная и фразеологическая семантика русского имени *Иван* складывается на основе известных образов фольклорной традиции. Вместе взятые, они составляют своего рода портретную галерею носителей имени — реальных исторических

личностей (*Ванька Каин*), вымышленных персонажей (*Иван-дурак*, *Ванька-ключник*, *Ванька Ветров*), а также антропоморфных артефактов (колокольня московского Кремля *Иван Великий*, народная игрушка *ванька-встанька*). Ведущая роль в формировании коннотативного фона имени, безусловно, принадлежит Ивану-дураку. Это выражается не только в суммарном количестве однозначно прецедентных номинаций, но и в их тематическом разнообразии — интеллектуальные способности (например, *ванька* ‘о глупом человеке’), речевое поведение (*ваньку валять* ‘скрывать что-л., умалчивать’, *заивáнивать* ‘сочинять, врать’), отношение к труду (*лежать как Иванушка на печи* ‘о ленивом, праздно лежащем в тепле и сытости человеке’), род занятий (*ванька с трудоднями* ‘трудолюбивый колхозник с хорошим заработком’) и место жительства (*ванька сельский* ‘хвостун’). Языковой образ Иванушки-дурачка явственно наследует отдельные черты фольклорного, вбирая в себя и другие характеристики, которые как будто бы «выводятся» из семантики интеллектуальной неполноценности, но относятся к иным сторонам человеческой природы и жизнедеятельности.

Разнопланов, но достаточно целостен образ польского *Яна*. Основные его мотивы — глупость (*ghupi jaś* ‘глупый человек’) и неуклюжесть (*dura jaś* <Ясь-задница> ‘растяпа, тюфяк’), с которыми органично сочетаются неопрятность (*janus* ‘неряшливый (неопрятный) человек’) и флегматичность (*jasiek* ‘неразговорчивый и флегматичный человек’).

Основной чертой языкового образа французского *Жана* также является глупость (*Jean, Jan-coucounié* <Жан-простофиля>, *Jan-locho* <Жан-дурак> ‘дурак, простофиля’), причем глупцом нередко считается обманутый муж (*Jean, Jean-cul* <Жан-задница> ‘рогоносец, обманутый муж’). С мотивом глупости коррелируют мотивы неловкости и нерешительности (*Jean* ‘человек слабый, без энергии, наивный’, *Jan-recuelo* <отступающий Жан> ‘медлительный, неповоротливый, нерешительный человек’), праздности и склонности к бесплодной деятельности (*Dzan do lezer* <Жан-бездельник> ‘о человеке, который ничем не занят или занимается бесполезными делами’) или к выполнению нетяжелой («женской») работы (*Dzan counoulliado* <Жан-веретено> ‘о мужчинах, которые вместо тяжелой мужской работы занимаются женскими делами’). Отрицательное отношение к тем или иным формам девиантного поведения Жана выливается в общую негативную оценку и оценку его деятельности как асоциальной (*Jean foutre* ‘подлец, бесчестный,

непорядочный человек’). Помимо этого, в образе Жана ярко проявлена социальная характеристика — крестьянское происхождение (*Jean guètré* <Жан в гетрах>, *Jean Deschamps* <Жан с полей> ‘крестьянин’).

Сравнение приведенных данных позволяет заключить, что образ русского *Ивана* (несмотря на всю его закрепленную языком и культурной традицией «русскость») не так уж сильно отличается от образов своих «братьев» в польском и французском языках. Эти образы «выкраиваются» примерно по одним и тем же «лекалам» (внешность, интеллект, черты характера, речевое поведение, физическая активность, отношение к труду, род занятий и связанные с ним место жительства и материальное положение). «Лейтмотивом» всех трех образов является глупость, с которой соотносятся и от которой, вероятно, производны большинство прочих мотивов. Среди них есть и общие: крестьянское происхождение и бедность, неопрятность (в русском и польском), неловкость, неуклюжесть (в польском и французском), медлительность (в русском и французском), обман (русский *Иван* — обманщик, французский *Жан* — обманутый (муж)). Это сходство образов объясняется, скорее всего, не столько родством имен, сколько этноязыковой универсальностью тех мотивов, которые в принципе могут лечь в основу номинации посредством личного имени.

Специфически «русскими» являются мотивы, связанные не с Иваном-дураком, а с другими референтами имени: высокомерие (*из себя ивана корчить* ‘важничать, превозносить себя’ — колокольня *Иван Великий*), недоверчивость (*ходить как Ванька-ключник* ‘о том, кто не доверяет, запирает все на замок, подозревая всех в воровстве’), подвижность (*как ванька-встанька* ‘о непоседливом, подвижном человеке’), занятия извозом (*ванька* ‘извозчик’).

Своеобразие польского *Яна*, если не принимать во внимание редко встречающиеся мотивы (ср. *zielony jaś* ‘человек с бледным лицом’, *śmieszny jaś* ‘веселый, смешливый человек’, *jasiek* ‘неразговорчивый и флегматичный человек’, *jasiek góralski* ‘житель гор’), будет, вероятно, заключаться во всем комплексе приписываемых ему характеристик, одни из которых сближают его с образом русского *Ивана* (неопрятность, молчаливость), а другие — с образом французского *Жана* (неуклюжесть). Что касается последнего, то яркость и неповторимость его образу придают звание роконосца, склонность к «женской» работе, а также недостойное (непорядочное) поведение.

Указанные расхождения могут быть обусловлены как различиями в культурных традициях, так и действием системно-языкового фактора (например, склонность к выполнению «женских» работ может отчасти объясняться языковой игрой, основанной на аттракции мужского имени *Jean* к его женской паре — *Jeanne*).

Е. Е. Стефанский

Самарская гуманитарная академия, Самара
estefanski@rambler.ru

Обряд «Конница королей» и ключевые концепты чешской лингвокультуры в романе М. Кундера «Шутка»

Обряд «Конница королей» композиционно связывает все семь частей романа «Шутка», написанных от имени разных героев и относящихся к различным отрезкам их жизни. Для понимания произведения важны не только и не столько воспроизводимые автором фрагменты данного ритуала, сколько его семиотика, на подсознательном уровне понятная носителям чешской культуры.

Кундера и его герои справедливо полагают, что «Конница королей» восходит к языческим временам и является памятью об обрядах посвящения мальчиков в мужчин [см.: СД, 4, 189].

Чешский язык зафиксировал в форме существительного во множественном числе (*Jízda králů* «Конница королей») память о коллективном характере ритуала. Кроме того, существуют другие названия этого обряда (*honit krála* <гнать короля>, <охотиться на короля>, *voditi krála* <водить короля>, *stínání krála* <обезглавливание короля>, *chodit s králem* <ходить с королем>, *hledat krála* <искать короля> [СД, 3, 609]), где король является не субъектом, а объектом, — более того, объектом, над которым нередко совершается насилие.

Объяснение такого рода названиям можно найти в элементе королевского обряда, который не упоминается в романе «Шутка». По свидетельству этнографов, мужские королевские обряды у западных славян